

раз

два

три

ольга
аристова

замри

Ольга Аристова
Раз два три замри

«Поляндрия NoAge»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Аристова О. С.

Раз два три замри / О. С. Аристова — «Поляндрия NoAge», 2025

ISBN 978-5-6052404-6-4

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Три подруги-школьницы живут в Находке – на самом южном краю России, где близость к морю и порту дает обманчивое ощущение свободы. Нулевые в Приморье – время пацанских разборок, безденежья и стихийной рыночной торговли. Взрослеть тут не очень-то безопасно. Но на стороне девчонок – сила юности, приправленная запахами крабовых чипсов, водорослей и импортного шампуня с дыней. Выплыть из мутной глубины им поможет дружба, но только если удастся ее сохранить.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-6052404-6-4

© Аристова О. С., 2025

© Поляндрия NoAge, 2025

Содержание

Катя	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ольга Аристова
Раз два три замри

раз два три

ольга
аристова замри

NoAge ЕСТЬ СМЫСЛ
2025

Дизайн обложки Юлии Бойцовой

В оформлении обложки использована фотография Владимира Бойцова

© Аристова О. С., 2025

© Оформление. ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2025

* * *

Всем девочкам из провинции, чье детство прошло на улице

Посвящается Але М.

*Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду – волк,
И помнить: я – овца.*

М. И. Цветаева

Катя

Девочки переминаются с ноги на ногу, готовые лопнуть от волнения в любую секунду. Они так долго ждали этот день, исправно мыли посуду и пылесосили, были ответственными и пунктуальными, ходили за хлебом и на почту, надевали теплые носки и кофты, пока июнь нехотя переваливался через свою холодную и дождливую половину. И вот они справились, они готовы. У них новые улыбки, новые косметички, новый язык. Язык девочек, которым уже можно на море без взрослых.

Одна из девочек – Юля – прищуривает левый глаз и светит подругам пачку парламента под пляжным полотенцем. Одна толкает другую, вторая – третью. Их смех вырывается наружу и брызгает на больничные стены подъезда бликами дискобола. Подъезд – это точка отсчета, ноль на графике координат, здесь они прятали бездомных котят от дождя, здесь увековечили на стенах первые ссоры: «Катя дура»; «Даша свинота»; «Юля тупая овца».

Первый поход на море девочки начали планировать заранее, еще в мае, когда липли комками жвачек к окнам жарких классов, когда несли домой, по-фетовски задыхаясь в душистых сводах акаций, четные и нечетные оценки, когда выбирали шмот на последний школьный дискач. Катя – топ с титаником, Юля – короткую юбку в клетку, Даша – леопардовые лосины.

Море без старших – это совсем другое море. Больше никакой возни в песке на берегу, никаких «вылезай, а то губы синие», никаких надувных крокодилов, спасательных кругов, полотенце с королем львом. Только изгибы, выпуклости и взгляды. А еще фруктовая отвертка¹ и ментоловые сигареты. Набор юной принцессы. Катя переходит в восьмой, Юля тоже. Даша – только в седьмой.

Юля, типа, за старшую, потому что родакам так спокойнее и потому что Юля выше всех. Бухло и сижки тоже обычно на ней. На Кате – фанта и крем для загара. На Даше – хавка.

Каждая слышит перед выходом:

– Только далеко не заплывай!

И каждая отвечает:

– Хорошо.

– Да, без бэ.

– Ну, мам!

Под строгими взглядами мам и бабушек девочки вываливаются из обклеенных плакатами гнезд прямо в город, омытый июнем, лучшим месяцем в году. Вода в июне уже не ледяная, скорее, как говорит Дашина бабушка, бодрящая, а пляжи тихие и пустые, никаких тебе сверкающих в адском ультрафиолете бикини, никакой орущей из иномарочных окон наглой попсы. Еще не стянулись на желтый песок и горячий шашлык туристы из Уссурийска, Партеза и Хабары², еще не опомнились тетки, замотанные в огромные гондонистые дождевики. Поэтому девочки торопятся – кто первый откроет сезон, тот ни дня не проведет без моря. Такой прикол.

Девочки, конечно, еще не знают, что запомнят именно этот июнь и каждое лето будут сравнивать с ним другие июни, слишком дождливые или слишком солнечные. Июни без сладкой ваты тумана в водостоках, без прозрачного бисера утренних паутин, висящих на невидимых нитях между сломанными качелями и серым, как половая тряпка, небом. Июни, где они больше не вместе.

И они говорят: да блин, да мы просто посидим на берегу, – но все равно надевают купальники: Юля – псевдоджинсовый, Даша – красный, Катя – мутно-зеленый. Поверх – шорты, топы.

¹ В нулевые в Находке все коктейли «сок + водка» называли отвертками, и они были не только апельсиновые, но и яблочные, виноградные и т. д. – Здесь и далее примечания автора.

² Имеются в виду Партизанск и Хабаровск.

Юлины шорты держатся скорее на чистом упрямстве, чем на бедрах: две острые косточки торчат над позолоченным ремнем-цепочкой, четкие и гламурные. Катя тоже хочет себе такие, чтобы как с обложки всех звезд, а Даша о таких может только мечтать. Зато грудь у Даши большая и круглая, как у Памелы Андерсон, а Катя умеет крутить задницей, как в клипах. Они друг другу – три полоски на абebasах, сухарики три корочки, колгейт три в одном. Сколько они себя помнят, следуют негласному правилу: если что-то есть у одной, должно быть и у остальных. Катю отец научил кролем и по-лягушачьи, Дашу и Юлю никто не учил. Но Катя обещала. Четко, забились.

За ближайшим углом Юля сжимает губами сигарету и по-пацански чиркает спичкой в полураскрытой пригоршне. Мимо идет тетка с дошираком на голове и сканирует девочек взглядом. Катя тут же делает вид, что у нее расстегнулась босоножка, типа, она не такая. Юля презрительно хмыкает. Когда тетка проходит, Катя облакачивается на стену и крутит в пальцах зажигалку:

- Блин, Юль, тебе что, совсем пофиг? А если кто из подъезда увидит?
- Да не ссы. Я вот так за щеку спрячу, смотри.
- Девки, давайте реще. Нас ща точно запалят.

Даше мать пригрозила дедовым ремнем с тяжелой железной пряжкой, если хоть раз застукнет ее за курением, и она нервно теревит завязки купальника, то и дело проверяя, нет ли кого за углом. Но Юля притворяется, что не слышит:

- Погнали, кто больше взятяг!
- Идут, идут!
- А-а-а-а, Дашка, дура, это ж тетя Валя, вонючка чокнутая! А я сигу похерила!
- Сама дура, она сюда идет!
- Бежим!

Их несет мимо соседних домов, потом мимо тех, что соседние их соседним, пока не выносит на трассу, узкие дорожки вдоль которой каждый год топчет множество ног: в сланцах и сандалиях, в китайских шлепках и кедах, в длинных лаптах и босиком, поднимая в воздух теплую песчаную пыль. Вокруг бедер повязаны полотенца, с голов свисают дворняжьими ушами футболки, руки с поднятыми вверх большими пальцами протянуты к трассе. Эту дорогу им показали папы и мамы, а тем – их папы и мамы. Здесь Дашу впервые укусил за икру шмель; здесь трутся о ноги тени посеревшего ячменя и вербейника; здесь совсем-совсем близкое море обводит сопки синей гелевой ручкой.

Когда девочки выбегают на дорогу, город наконец-то выпускает их из своих кирпичных клешней и они остаются сами по себе – дикие, свободные. Каждое их движение сильнее вспенивает отвертки, которые они бережно запеленали полотенцами. Носы босоножек зачерпывают придорожную щебенку, тусклое утреннее солнце трется о плечи и лопатки, а мужчины сигналият и машут руками – их заводят мыльные пузыри смешков и восклицаний, сверкающие голени, птички тонкие косточки, дерзкие стрелки-подводки, летящие искры волос, юность, юность.

Кате нейдет. Она старательно ловит Юлины подколы, подставляется под ее теплые руки, которые щекочут и толкают, заезжают под топик, взбалтывают тело, как газировку, отчего Катя приятно пузырится смехом и раскачивается во все стороны. Так, что почти падает на придорожный щебень. Так, что всем видно купальник и только-только наметившуюся грудь. Юля повисает на ней, хохочет. Машины сигналият без остановки. Даша старается тоже щипаться и толкаться, но всем, кто едет мимо на дорогих тачках, очевидно, на кого смотреть – для Кати и Юли пыльное бездорожье все равно что объектив телекамеры.

Летающий мимо «марк»³ орет про девушек как звезды, и Юля с Катей кружатся, взявшись за руки.

А потом они сходят с трассы, сворачивают в прохладную тень и молча идут по влажному пахучему лесу, где в оврагах и вдоль ручьев блестят паучьи лапки папоротника, где по капле сцеживают летний зной сонные липы и березы, где в сумерках прелых листьев горят тигровые лилии. Девочки пробираются через лес юркими бурундуками, пугливыми дикушами, чтобы вовремя услышать, как сквозь зеленую тишину прорастает морской гул.

Это значит, что пора бежать, кто последняя – та овца.

Даша прибегает последняя. Катя с Юлей уже лежат на полотенцах, прижатых к песку гладкими горячими камнями. Ветер треплет Юлины кудри, Катя щурится из-под длинной челки. Песок покрыт конфетти из окурков и шелухи. Вдалеке на другом конце пляжа седая пара с собакой медленно бредет вдоль линии прибоя. А еще дальше группа аквалангистов вразвалку перебирает черными ластами, отталкивая от берега небольшую надувную лодку. Там, где в разгар сезона топчется изнывающая от жары очередь, сейчас только серая будка из листов фанеры и несколько самодельных столов с пластиковыми стульями. В их спинки моментально просачивается размякшая на солнцепеке кожа, раздуваясь дрожжевым тестом с обратной стороны. И тогда ты – в ловушке, влипла, как сонная муха. Остается обильно увлажнять руки и живот сладким жиром кавказского шашлыка.

Юля закуривает, Катя с Дашей тоже. Здесь их никто не запалит, здесь они крутые и четкие. Юля курит вычурно, киношно отводя мизинец, Катя повторяет, Даша держит сигу в кулаке, оглядывается. С сопки на пляж спускается белая «виста»⁴, но едет к дальнему краю, к лодочным гаражам и аквалангистам. Небо цвета изнанки мидии медленно смыкает над ними тусклые створки, солнце-моллюск лижет кожу долгожданным равномерным загаром.

Кате хочется в воду. Море – ее главный секретик с фантиком лав из и разбитой ракушкой под прохладным синим стеклом. Ей не терпится упасть в него, грести изо всех сил, пока мышцы не станут твердыми и тяжелыми, как прибрежные камни, пока белая линия пляжа не обернется далекой зыбкой полосой, не толще ниточки стрингов, пока тело не сведет глубокой гиблой судорогой, пока мысли в голове не улягутся и не останется ничего, кроме Кати, моря, неба, облаков. Но Юля не умеет плавать, и Катя будет плескаться возле берега, чтобы ее научить. Катя для Юли готова почти на все, даже никогда не говорить о том, что случилось.

– Спорим, я первая до воды? – Катя с разбегу запрыгивает в прибрежную волну и разлетается брызгами во все стороны. Юля кричит: дура! – и забегает по колено, Дашка отстает и завывает: в смысле?! Девочки бьют по воде руками, покрываясь мурашками и визжа, Катя ложится на спину и молотит ногами, чтобы брызг было еще больше.

– Ай, овца, холодно!

– А ты ныряй! Вода четкая!

Но Даша и Юля топчутся на мелководье и нерешительно трогают прибой озябшими пальцами. Мимолетный береговой бриз заставляет поежиться и обхватить руками прохладные животы. Первой не выдерживает Юля:

– Всё, блин, я на берег.

– Юль, подожди, давай вместе на раз, два, три!

Юля недоверчиво косится на Катю своим лисьим прищуром и остается. Слово «вместе» гудит в воздухе, забирается под кожу и проходит током по позвоночнику. Катя глубоко вдыхает и ныряет, чтобы спрятать разливающееся по телу тепло, простудное и опасное. Катя отчаянно хочет, чтобы Юля всегда смотрела только на нее. Под водой она хватает Дашу за лодыжки,

³ «Марк» (Toyota Mark 2) – мечта всех пацанов нулевых.

⁴ «Виста» (Toyota Vista) – популярная в девяностые и нулевые японская иномарка с правым рулем. На Дальнем Востоке в этот период почти весь автопарк состоял из подержанных машин, привезенных из Японии.

Даша визжит и падает на спину под фонтан брызг и Юлин хохот, Юля тоже прыгает в воду, но сразу выныривает обратно, хватая ртом воздух. Холод выжигает у нее в груди астматические пустоты.

Им говорили: будьте осторожны.

Им говорили: не сидите в воде подолгу.

Им говорили: не заплывайте далеко.

Но девочки давно уже заплыли так далеко, что ни береговая охрана, ни МЧС их не спасет. Они исчезли в бермудском треугольнике вместе с ржавыми танкерами и огромными, как голубые киты, контейнеровозами. Они придумали игру.

Все началось, когда со стороны Китая, медленно ворочая тюленьими животами, приползли тайфуны. Обильные, долгие, тягостные дожди. Каждый приходил на неделю, но оставался на две.

Девочки сидели дома, но все вместе. Обычно у Юли, потому что ее мама возвращалась домой разве что от скуки или чтобы бухнуть с тетей Сашей, Дашиной мамой. А скучала Юлина мама нечасто, реже, чем появлялись просветы между идущих с далеких берегов дождей.

Правда, девочкам приходилось терпеть Юлиного брата Костю, который то обзывал их малявками, то пытался зажать у стены и облапать.

В один из таких дней, когда наконец удалось выгнать Костю из комнаты, Юля озвучила правила. Девочки внимательно слушали уже не новые, но все еще чужеродные слова: «взасос», «по-собачьи», «оргазм». Снаружи ветер сгибал деревья до земли, нес мутные реки прямо по воздуху, и в них тонули птицы и рыбы.

– Это такая игра, – сказала Юля, – где пьяный мужчина пристаёт к женщине, а потом ложится на нее и, типа... Вы поняли. Потом меняемся.

В незанавешенные окна врезались толстые липкие слизняки и медленно стекали вниз.

– А что пьем? – спросила Катя, рассматривая узор на красно-буром ковре.

– Что есть, то и пьем. – Юля потянулась к дверце холодильника и распахнула его так, чтобы девочкам стали видны недопитая бутылка водки и целый ряд пивных бутылок, который Юлин брат Костя пополняет каждый день.

– Главное, – Юля в упор посмотрела на Катю, – чтобы в дрова.

Мужчину выбрали на камень-ножницы.

Потом они пили три толстяка, нетвердо кружились по комнате и падали, врезаясь в мебель и друг в друга. С соседних зданий срывались крыши, и куски бездомного шифера летали по улицам, калеча пешеходов.

Даша тряслась от смеха и ложилась на Юлю, а Юля в свою очередь ложилась на Катю. Катя ни на кого не ложилась, она раскачивалась на старом покрывале, как на волнах.

Неподвижными глазами Катя следила за каждым Юлиным движением. Точно так же, как барби у нее в руках следила за кеном. Точно так же, как тележенщины застывали в руках телемужчин.

Машины в центре города уходили под воду по самые крыши.

Когда все закончилось, Юля ушла курить на балкон, а Даша развалилась на раскладном диване то ли похихикивая, то ли всхлипывая. Катя сказала, что ей пора домой. Больше они эту игру не обсуждали, все их разговоры обросли полупрозрачным улиточным панцирем и вяло ползли от обсуждения планов еще раз набухаться к догадкам, где и как срastить⁵ пацанов. Нужно было только дожидаться, когда холодное лето перестанет заряжать дожди-пистолеты.

⁵ «Срашивать», «срastить», «по сростам» – типичный для разговорной речи приморчан сленг. Эти слова могут означать как «договориться», так и «добыть» или «достать что-либо через связи, по знакомству». Например, фраза «пошло по сростам» означает, что вопрос решился благодаря неформальным договоренностям.

Не отводя глаз от Юли, Катя опускает руки на воду и говорит Даше: ложись.

Даша мнетса, отнекивается, что слишком тяжелая, но Катя настаивает – в воде она почти супермен и Дашин вес ей нипочем. У Даши глаза ленивой кошки и черные корни, отвоевавшие уже целое каре у платинового блонда. В воде Даша скользкая и гладкая, как дельфин, хотя Катя никогда не видела дельфинов. Катя бережно держит ее над водой и повторяет «вот видишь вот видишь», пока та молотит воду, взбивая ее в пышную пивную пену, и царапает Катины плечи обкусанными ногтями. Юля плещется рядом, смуглая и тонкая, как ламинария, почти прозрачная, если смотреть из-под воды. Длинная водоросль, такая уязвимая и нежная на берегу, такая цепкая и опасная под водой. Когда позапрошлой ночью чужие пальцы скользнули Кате в трусы, она не сразу испугалась. Подумала, это длинные пальцы ламинарии дотянулись до нее со дна ее сна. На другой стороне кровати спала Юля, расплескав по подушке кудри, а что-то большое и страшное наваливалось на Катю из темноты.

Вдруг Даша кричит:

– Получилось! Я плыву! Девки, я плыву!

Даша гребет руками по-собачьи, смешно вытянув голову над водой, и преданно смотрит на Катю. Юля улыбается им обеим и щурится на солнце, смешно сморщив нос. Ее длинные руки гладят мелкую морскую рябь, и Кате вдруг нестерпимо хочется сделать что-то вызывающее, что-то, что Юля точно заценит. Что-то, что их еще сильнее сблизит. И она говорит:

– Пойдем на скалы.

Скалы – это лучшее, что есть у Кати. По ним можно карабкаться, цепляясь за прочные, как драконья чешуя, пластины. На них можно лежать, широко раскинув руки и ноги, ощущая, как доисторический жар пробирает тебя насквозь, закаливая и заостряя. С них можно прыгать в темную непроглядную воду, наперекор закипающему в горле страху. На скалы ходят загорать голышом и выпивать с компанией под закуску с морского дна. Их заточенные зубцы разрезают волны, зацелованные солнцем камни блестят кварцевыми жилами. И надо знать тропки и ходы, чтобы не провалиться в узкие расщелины, не сломать ноги или шею, сорвавшись со скользкого уступа.

Для девочек скалы всегда были под запретом: далеко, высоко, разобьетесь еще.

Но Катя находила лазейки. Пока мама болтала с подружками, пока отец ходил за шашлыком, она забиралась на скалы, ныряла, ползала, гладила и прижималась. В темной, обжитой водорослями и морскими тварями воде Катя подтягивала себя к самому дну, перебирая руками по тугим и прочным пучкам, и лежала в сине-зеленой тишине, затаившись, пока в голове не нарастал шум, а в легких – огромная, распирающая ребра боль.

Один, два, три, четыре, пятьдесят, шестьдесят.

Катя умеет не дышать почти минуту. Под водой она ловит животом и бедрами касания ламинарии и ульвы, перебирает пальцами длинные локоны взморника, сжимает в ладонях морской виноград, пока не лопнет упругая кожа. Катя мечтает затащить девочек на дно, чтобы вместе смотреть на солнечные лучи, которые то сверкают чешуей, то прячутся под камень. Чтобы вместе найти заросли актиний и надавливать кончиками пальцев на нежную сердцевину, вздрагивая, когда бутон нежно и крепко обхватит фалангу.

В мутно-зеленой тишине Катя фантазирует о том, как волна накрывает волну. Как рука хочет найти другую руку и впиться ногтями, чтобы остались укусы-полумесяцы. Как ноги сплетаются лентами морской капусты. Как игра перестает быть игрой.

– Солнце вышло из-за тучки, все бомжи собрались в кучку, главный бомж сказал...

– Блин, Кать, а полотенца куда?

– Ха, дура, повелась!

– Да кому они нужны.

Даша пытается приладить полотенце на пояс, но оно не держится и спадает через пару шагов. Юля достает со дна сумки отвертки, прикладывает к животу и морщится – теплые. Даша с сомнением смотрит на цветные банки:

– А бухло?

Юля поворачивается к Кате и передразнивает Дашу, высунув язык и вытаращив глаза: а бухлооо? Потом раздает девочкам по одной, презрительно бросив Даше:

– Ты тупая? Берем, конечно.

Даша не понимает:

– Девки, а вдруг там змеи?!

– Ниче, я тебе отсосу!

– Дура!

Дорога к скалам заросла за несезон, и девочкам приходится раздвигать руками цепкие колючки и приминать ногами длинные острые пряди китайки. Дорога нехотя им поддается, петляя нечетким пунктиром то по прибрежным камням, то по сопкам, чьи зеленые кудри накатывают волной на прибрежные валуны, чьи сонные носы утыкаются прямо в воду. И истошно пахнут диким шиповником, чертополохом, полынью. Один неверный шаг – исцарапают, искромсают тебя в лоскутки, но, если двигаться аккуратно, отмерять шаги бисером, следовать змеиными тропами, выберешься на твердый известняк, каменные троны чаек и бакланов. Кате нравится, когда они срываются с места и нарезают круги у нее над головой, роняя недовольный гогот в море. Получается очень по-киношному.

Дорога открыта только во время отлива – стоит подняться в воде, и удобные уступы скроются под волнами, а берег станет далеким и недоступным.

Юля садится на верхний трон, весь изгаженный птичьим пометом, но ей все равно. Она пшикает алюминиевой открывашкой и делает большой глоток отвертки. Катя садится рядом, ей хочется получить кусочек Юлиного притяжения, этой необъяснимой внутренней пружинистости. Кажется, Юля в любую секунду может оттолкнуться и прыгнуть на этот мир, заграбастать его целиком. Но она получает только глоток отвертки, резкой на вкус, как морская вода. Даша, согнувшись и выпятив губу, замороженно трогает раковины морских улиток, заполнивших каждую трещинку и скол. Потом оглядывается на подруг и тянет руку за пачкой парламента. Катя с Юлей хихикают.

– Малая, губу закатай.

– Э, вы че, охуели? Сучки.

Сигареты на вкус как соленый шоколад. Соль блестит кристаллами на ресницах, слюдянисто белеет на коже корочкой глазури. Над дальней сопкой, где стоят гаражи с катамаранами и моторными лодками, собираются тучи. Им пора уже назад, но Юля смотрит на Катю и кивает на море:

– Че, кто ныряет?

Даша пьяно ухмыляется и тычет Кате пальцем в живот:

– Кать, а достань крабов на закусон? Или ежей потихой.

– Фу, ежи.

Юля подтягивает ноги к груди и с опаской смотрит на воду. Всего год назад брат столкнул ее с камня и она провалилась в узкий разлом, полный черных морских ежей. Ее кожа еще долго была покрыта маленькими черными точками, огрызками иголок, которые не смогли достать в травмпункте. Но Даша не понимает:

– Да нормально, я ела. Прямо сырыми, отвечаю.

Катя кивает:

– У меня родаки тоже ежей просто так жрут, пополам разламывают и жрут. А те еще шевелятся, прикиньте?

– Фу-у-у-у.

– Кто ел ежей, та овца!

Даша карабкается и садится на самый край – ей тоже нужен кусочек Юли. Она показывает язык – кислотно-зеленый, будто снова сухого юпи захавала. Юля хохочет, Катя хочет крикнуть «сама овца!» – но тут ветер врывается ей в уши, наполняет их противным писком ночного телевизора, когда все каналы прекратили вещание.

Море, полумесяц пустого пляжа, черепаши спины сопок – все это вдруг моргает, как на родительском диафильме, кадр налезает на кадр, новый порыв ветра разрывает пленку черной полосой, и вот вокруг уже совсем другое кино. Море просыпается, стряхивает сонное оцепенение и бросается хищными волнами на скалу, на которой сидят девочки. Чайки срываются со скал и кружат в стремительно темнеющем небе. Ветер больно хлещет огрубевшими от соли прядями волос по лицам и плечам. Недопитая бутылка отвертки летит вниз. Вслед за ней в воде исчезает пачка сигарет.

Юля больше не улыбается, она смотрит только на Катю. Даша пытается забраться повыше, но выше только отвесные скалы и крики чаек. Холодная пена заливаает ноги почти по колено, а вода внизу черная и непроглядная.

Катя говорит: ого.

Катя так и хотела – чтобы вода стала опасной, чтобы не Катя нарочно заплыла глубоко, а море само. Как оно поступает с другими, но с Катей – никогда.

Катя сползает по скале, волны заливают ее бедра и живот. Она замирает, ждет, что темнота внутри растает, как шарик шоколадного мороженого, и не будет тянуть ее на дно – черное к черному.

– Катя, ты куда, блин?

Катя смотрит на волны, похожие на огромные черные языки. Море говорит всеми головами, и Катиным тоже. *Нет, не надо, не надо.* В ту ночь она слишком испугалась, чтобы закричать.

– Совсем, что ли?! А мы че?

Катя слышит подводный рокот, который отдается у нее в горле невыпущенным криком, невысказанным словом. *Отпусти, отпусти, отпусти!* Смогла бы Юля ее спасти или утонула бы вместе с ней в тяжелых одеялах? Катя спускается еще ниже, и вот уже волны вколачивают каждый ее позвонок в скользкие холодные скалы.

– Катя, бля!

Катя прыгает. Неразбавленная темнота подхватывает ее и пеленает с головы до ног и тащит вниз, в материнскую утробу океана. Катя замирает, Катя не хочет родиться. Она хочет раствориться обратно в кровь и слезы. Но тут Катино сердце нащупывает в грудной клетке самую острую кость и бешено бьется в нее, лишая Катю возможности вдохнуть. Совсем как тогда, когда она открыла глаза и увидела не Юлю. Совсем как тогда, Катя поджимает под себя ноги и зажмуривается, и вода рывком выталкивает ее на поверхность.

И тогда она слышит их. Девочек.

Рядом с ней – Даша. Руки хватают воздух, по темной воде разлилась белая клякса ненатурального блонда. Юли нигде нет. Только ветер голосит где-то у берега.

Катя двумя мощными гребками подплывает к Даше. Она никогда этого не делала, но слышала, как взрослые обсуждали спасение утопающих: не позволять им хватать тебя за руки и шею; показать, как держаться за твои плечи; грести к берегу вместе. Катя дерет замерзшие связки, перекрикивая ветер:

– Давай, Даша, все будет хорошо, – и подплывает совсем близко, настолько, что видит открытый рыбий рот и выпученные рыбы глаза. Совсем как у тележенщины под телемужчиной. Снова игра, думает Катя. – За плечи! Давай! Держись! Держись!

Ветер уносит слова, но Катя надеется, что Даша ее слышит. Она поворачивается к ней спиной и чувствует, как окоченевшие ладони скользят по ее плечам. Теперь – просто грести

к берегу, рывок за рывком. Кате кажется, что она снова слышит Юлю, но ее голос теряется в панических криках чаек и громком шипении пены. Кто-то взболтал море, выпьешь лишнего – ударит в голову и утащит на дно. Катя старается держаться над водой, хотя Даша тянет и тянет вниз и совсем не помогает, только взбивает больше пены. Катя вдруг понимает, она совсем не супермен, хотя Даша и болтается у нее на плечах напуганным супергеройским плащом в этом своем дурацком красном закрытом, как у бабушек и малолеток. Катя оглядывается, чтобы крикнуть Даше, что нужно грести, а не тянуть, но видит не Дашино лицо, а высокую волну, девятый вал из ее кошмаров, в которых она задыхается и тонет, пока чужие пальцы ползут по ней, как пауки, и не останавливаются, как бы Катя ни просила.

Волна подбрасывает девочек вверх и что есть силы опрокидывает вниз, и на секунду цепкие Дашины клешни выпускают Катины плечи, и Даша начинает еще отчаянней барахтаться. Над темной водой только руки, красный купальник кажется кровавым. Когда волна отступает, Даша напуганной кошкой хватается за Катю, взбирается по ее спине, впиваясь ногтями туда, где мягче и больнее. В конце концов Дашины ноги крепко сжимают шею Кати в удушающий капкан, и Катя с головой уходит под воду, проваливается на самое дно, где море лежит на ней пуховым одеялом, тяжелым, как гора рук и ног, которая вдавила ее в простыню и велела молчать.

Теперь штормовые волны не крутят Катю и не кружат, а только ввинчивают по самые щиколотки в песок. Медленно, как во сне, красиво, как на эм-ти-ви, голову обвивают тонкие водоросли, сплетаясь с волосами, – Катя сама теперь актиния, мидия, коралловый риф.

Где-то далеко вопит и стенает Даша, и Катя думает: держись, держись. Кате не пошевелиться – ее все сильнее тянет вниз, туда, где подводные течения утягивают на страшную глубину, где водятся акулы из фильма «Челюсти», где золотые сундуки.

Досчитав до десяти, Катя открывает глаза. Гибкая, похожая на щупальца кальмара ламинария скользит у самого ее лица, она чувствует, как та трогает ее ноги, ее живот, ее стыдное место между ног. Это просто игра! Двадцать, тридцать. Получается, Катя проиграла? Три одинаковых пузырька срываются рыбками с Катиного носа и уносятся наверх, к свету. Солнце похоже на морскую звезду-альбиноса.

Сорок. Пятьдесят. Водоросли липнут к Кате второй кожей. Совсем скоро она попытается вдохнуть, и это будет как глоток ледяной отвертки. Тот самый, лишний, после которого только темнота и беспомощность. Пятьдесят пять, пятьдесят шесть, пятьдесят семь... Вдруг железная хватка ослабевает, и вода выталкивает Катю на поверхность булькающим поплавком. Будто впервые в жизни, Катя вдыхает торкающий йодированный воздух глубоко-глубоко.

Дашу сшибает с Кати еще одной волной, как пустую жестяную банку.

Потом она надолго замирает на мокром холодном песке, прижавшись к нему щекой, ощущая плеск волн в своих костях и касания стихающего ветра на коже. Юля лежит рядом, Даша поодаль – не мигая смотрит в небо, и Катя замечает мокрую полоску от слез. Соленый ручей тянется от уголка левого глаза до аккуратной ушной раковины. Где-то там внутри поселился моллюск нелюбви. Кто последняя, та может уходить и никогда не возвращаться.

Все нормально, Катя вытащила Дашу. Все нормально, Юля выбралась сама. Она поплыла к берегу, держась за скалы, ее протащило по подводным камням, как по терке, ободрало кожу на бедрах и тощем животе и вышвырнуло изо всей силы на берег.

Они втроем обещали не заплывать далеко, но не обещали, что справятся. Что сохраняют то, что было выдано им негласно и вообще-то навсегда. Юля смотрит на Катю и дышит тяжело и прерывисто.

– Вот бы закурить. – Голос у нее прохладный и гулкий, будто из пещеры.

Катя не отвечает, просто поводит саднящим плечом и оглядывается на море, которое снова присмирело. Зачем они вообще начинали эту игру, если никто не собирался ее заканчивать. Юля продолжает смотреть ей в глаза.

– Я думала, мы вместе.

Тогда Катя переворачивается на спину и смотрит на облака, сквозь которые начинает проглядывать голубое дно неба. С каждой убывающей волной она становится раковинной, панцирем морского ежа, пустой банкой из-под отвертки. Юля протягивает к ней руку, но Катя не замечает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.